

*Судьба сквозь призму дней
(исторический очерк)*

Советский нотариат стал особой эпохой в истории нотариального института, равно как и сам социалистический проект. Изменился функционал, подчиненность, организационные начала работы. В этих трансформациях нотариат «нёс на себе стигматы эпохи». Большевистский опыт управления социальными процессами оказался уникальным. Кипучая революционная энергия соединялась с леденящей жесткостью политической и идеологической сфер. Высокая социальная мобильность «тех, кто был никем» сочеталась с приматом политики над правом. Советская эпоха достигла одного из своих пиков в предвоенный период, когда потенциал роста еще казался бесконечным, а страна не понесла чудовищных демографических потерь, отразившихся, в том числе, на гендерной структуре нотариата. Вообще же, нотариальный институт пережил очередную реинкарнацию на исходе второй пятилетки в СССР. Причем энергия управленческого решения была настолько мощной, что нотариальные конторы и столы, почти уже закрывшиеся по всей стране, численно увеличились в десятки раз. Болезни роста не замедлили себя проявить. О них, о буднях, о людях, о надеждах, которым не суждено было сбыться – это повествование. Лишь один, судьбоносный в своем тревожном неведении, июньский день троицкого нотариуса А.А. Алексеевой.

***

Утренняя прохлада отходила туманом. День обещал быть для Троицка жарким, беззаботная молодежь спозаранку засобиралась на озера. Анастасия Андреевна тоже не отказалась бы посидеть на бережке, у костра, поболтать с подругами – иногда надо отвлечаться от дел насущных. Однако служебный долг требовал в этот субботний день выйти в нотариальную контору, поработать над полугодовым отчетом, подчистить «хвосты». В будний день с «его насущным хлебом» и толпами посетителей до кропотливой обобщщающей работы добраться и вовсе трудно. Кроме того, она была на особом контроле и

у старшего нотариуса, и у ревизора отдела нотариата и адвокатуры Управления Наркомата юстиции по Челябинской области.

Молодой нотариус только вздохнула – та поездка, и та история до сих пор ей аукаются. Потянула же ее нелегкая, будучи в Москве, заглянуть в Наркомат юстиции!.. С одной стороны, в командировочном удостоверении, по дружбе выписанном народным судьей Щеновым, все равно нужно было проставить отметку «принимающей стороны». С другой стороны... дальше получилось не очень хорошо: Анастасия Андреевна простодушно отвечала на все вопросы, которые с любопытством задавали ей коллеги из столицы. Проговорилась, что квитанционные книжки на получение единой госпошлины заказываются непосредственно нотконторой и самим нотариусом прошнуровываются и скрепляются печатью и подписью, хотя такой порядок противоречил Инструкции по учету единой госпошлины. С искренним возмущением рассказала об отсутствии методической помощи со стороны областного УНКЮ. Многих нотариусов просто назначили, не особо интересуясь их мнением, знаниями, опытом. Но это полбеды. Вся страна жила как военный лагерь или гигантская стройка, поэтому, как говориться, партия сказала надо – народ ответил «Есть!». Но ведь можно выдать методички, где всё разъясняется понятным языком, обеспечить бланками. Нет же, нотариусы жили и работали, предоставленные самим себе. Посетителям, которые приходили за помощью, или учреждениям, которым требовалась исполнительная надпись на истребование долга от очередного неплательщика, нюансы бюрократической кухни не объяснишь.

Видимо, откровенность Анастасии Андреевны в столичном наркомате пришла не всем по вкусу, а ей самой и вовсе вышла боком. Не успела она вернуться из поездки, как из Наркомата юстиции прилетела разгромная бумага с требованием разобраться и, само собой, наказать. Её коллега – магнитогорский нотариус А.В. Нижников, на тот момент заместитель старшего нотариуса Челябинской областной нотариальной конторы, в заключении к служебной проверке отметил, что поступила Анастасия

Андреевна вполне правильно, не по-чиновничьи. А что до командировочного удостоверения, то выписано оно было не по великому блату, а из вполне прагматичных соображений – иначе билеты на поезд просто невозможно было достать, и командировка могла серьезно затянуться. Тем не менее, недостатки проверяющий был обязан выявить. Окончательный вердикт – товарищ А.А. Алексеева «над собой в отношении повышения юридических знаний работает недостаточно». Отсюда появилась дополнительная нагрузка в преддверии полугодового отчета, а особый контроль не давала расслабиться, хотя бы на секунду вырваться из повседневности.

Жизнь, даже и в провинциальном городе, неслась в темпе индустриальных строек. Остававшийся аграрным Троицк форсированная индустриализация задела не так сильно, как соседние Магнитку или Челябум. Тем не менее, за годы первых пятилеток были построены маргариновый и мыловаренный завод, обновлялось оборудование на прежних предприятиях. В помощь активно строящемуся металлургическому Магнитогорску возведены кирпичный и известковый заводы. Под занавес первой пятилетки в городе была введена в эксплуатацию единственная на Южном Урале фабрика по изготовлению валяной обуви. К концу второй пятилетки открыт Троицкий городской пищевой комбинат, радующий обилием выпускаемой продукции – от сушеных грибов и квашеной капусты до повидла, пряников и киселя. В итоге, Троицк стал центром легкой и пищевой промышленности Урала, кормившим соседние индустриальные центры. Город рос и менялся, увеличивалось население, строились новые улицы, целые кварталы. Те немногие старики, что пережили гражданскую, жаловались, что окружающая действительность меняется слишком быстро, одновременно радуясь хотя бы и относительной, но сытости. Локомотив общественной и хозяйственной жизни страны, раскочегаренный энергией партии большевиков, набрал невиданные обороты. Но порой хотелось покоя, того самого, о котором Блок сказал, что он «нам только снится...»

Патетика социалистического строительства требовала от нотариусов не только справляться со своими непосредственными обязанностями (о которых высокое руководство порой имело весьма туманные представления), но и проявлять общественную активность, включаться в соцсоревнования, общественную жизнь. Анастасия Андреевна, посоветовавшись со своим ответственным исполнителем Е.П. Петровой, которая была ей и коллегой, и другом, решилась заключить договор соцсоревнования. Причем не с одной, а сразу с двумя нотариальными конторами – Копейской и Кочкарской! Кроме прочих стандартных пунктов, ведущим предметом соревнования должна стать четкость и аккуратность работы. Соцсоревнование шло пока только полгода, так что итоги подводить было рано, тем не менее, Анастасия Андреевна и ее коллеги старались не ударить в грязь лицом. В этом своеобразном состязании было что-то задорное, юношеское, а все-таки цепляло, заставляло прилагать усилия, следить, как там с показателями у оппонентов, стараться подтянуть свои.

Здесь крылась определенная проблема, парадокс соревнования. С одной стороны, бились за четкость и аккуратность, а с другой стороны, требовалось повысить количество нотариальных действий. Оттого нелегкий выбор – сделать побольше или получше; балансировать на тонкой грани между количеством и качеством было сложно. Анастасия Андреевна, что говорится, на себе почувствовала всю противоречивость диалектического подхода. Хотя, как сказал вождь мирового пролетариата, нет ничего практичнее хорошей теории. Поэтому молодой нотариус активно работала над самообразованием, к чему подталкивал и высокий статус члена ВКП(б). В партию Анастасия Андреевна вступила только год назад, незадолго до злополучной поездки. С тех пор продолжала активно повышать образовательный уровень, степень политического самосознания. Вот и сегодня на работу она прихватила сравнительно недавно изданный, но уже ставший обязательным для всех советских товарищей «Краткий курс истории ВКП(б)». Может удастся немного почитать во время обеда!

По пути до конторы несколько раз попались репродукторы, из раструбов которых неслись бодрые жизнерадостные песни вперемешку с сообщениями диктора. Анастасия Андреевна улыбнулась, вспомнив, как переживала и готовилась к выступлению по радио. Нельзя сказать, что это была в чистом виде ее инициатива. А.В. Нижников, будучи с проверкой, намекнул, что выступления сейчас крайне приветствуются, и молодому нотариусу, как говорится, зачтется. Да и соцсоревнование подталкивало к популяризации советского нотариата. Поэтому Анастасия Андреевна, собравшись с духом, подготовила небольшое сообщение об услугах, которые оказывает нотариус, о типичных ошибках, которые совершают посетители. Работники радио, которые помогали в записи, сказали, что получилось «жизненно». Оставалось надеяться, что так оно и было. От нескольких граждан, приходивших в контору, она слышала слова благодарности за разъяснение некоторых насущных вопросов.

Нотариальная контора помещалась в здании нарсуда. В коридорах двухэтажного каменного здания, от которого веяло седой дореволюционной стариной и степенной основательностью, было пустынно. Для нотариуса выделили отдельную комнату. Этой роскоши удалось добиться благодаря тому, что Анастасия Андреевна была не чужой для судебной системы, исполняя по совместительству функции народного заседателя и заместителя нарсудьи первого участка города Троицка. Многим ее коллегам-нотариусам приходилось ютиться в полуподвальных помещениях, а то и вовсе заседать вместе с адвокатами в нарушение всех мыслимых и немыслимых инструкций и приказов. Но что поделать, эта коммунальная теснота была вызвана не чьей-то злой прихотью или попустительством, а вполне объективными обстоятельствами. Позабытый всеми в годы первых пятилеток, нотариат был извлечен в 1937 году с наркомюстовских задворок, чтобы восстановить и укрепить социалистическую законность среди народных масс. Еще вчера бывший никем, нотариат стал одной из опор правосудия, разгрузив погрязшие в бесспорных делах народные суды.

Взрывной рост нотариального института не прошел даром. Анастасия Андреевна вспомнила, как ей самой пришлось в добровольно-приказном порядке принять на себя обязанности нотариуса. Поначалу было очень тяжело. Потом, по мере накопления опыта – «дитя ошибок трудных», стало несколько легче. Государство продолжало искать оптимальную структуру нотариальной сети. Поэтому год назад приехала московская проверка и признала существование едва ли не четверти контор области «неоправданным». Хотя, надо признать, так оно и было. Первоначальный штат нотариальных столов и контор, как уже теперь понимала Анастасия Андреевна, был набросан в спешке, административным порядком, потому страдала непродуманностью. Но лично товарищу А.А. Алексеевой от этого осознания совершенно легче не становилось: в итоге сокращений в зоне её обслуживания кроме собственно Троицка оказались еще четыре района – Нижне-Увельский, Каракульский, Октябрьский, Чесменский. Вот и думай теперь, нотариус, за что хвататься! То ли документы проверять и оформлять, то ли отчеты готовить, то ли статьи для газет строчить... Хорошо ещё, что по штату конторе полагался ответственный исполнитель, он же секретарь. Елизавета Петровна хотя была почти на двадцать лет старше своей начальницы, и в каком-то смысле человек старорежимный, тем не менее, к своей непосредственной работе относилась ответственно, ни раз и ни два «прикрывая» Анастасию Андреевну.

Разбирая позднюю вчерашнюю почту, заботливо разложенную на столе секретарем, Анастасия Андреевна обратила внимание на стопку писем от сельсоветов. Опять вопросы, жалобы и извещения. Товарищ Алексеева в который раз за день тяжело вздохнула – ситуация с нотариальными действиями, которые исполняли исполкомы сельских советов, оставалась особенно тяжелой. В областном центре требовали контролировать и обучать. Но с этим были большие проблемы. Контролировать за неразвитостью дорог и обширностью зоны ответственности не представлялось возможным. Ежели ездить в командировки, то в самом Троицке всё встанет. С нарсудьей Щеновым Анастасия Андреевна хотя и была в приятельских отношениях, тем

не менее, брать на себя нелегкий нотариальный труд на время отсутствия нотариуса он категорически отказывался. Оно и понятно, у Щенова своей работы было под завязку, а разбираться в нюансах нотариальных действий в условиях отсутствия методической помощи УНКЮ, совершенно не хотелось. Оставалось только вызывать секретарей сельсоветов и учить их, разъяснить, инструктировать. А это снова время, время, время. Сами секретари не горели желанием мотаться по разбитым дорогам, да и менялись они слишком часто. Вот и приходилось балансировать между начальственным «надо» и жизненным «есть».

Анастасия Андреевна быстренько набросала ответы на письма сельсоветов и перешла к большой стопке исполнительных дел. Исполнительные надписи приходилось ставить часто, это были те бесспорные дела, которые вошли в компетенцию нотариусов. Работа не архисложная, однако требующая внимательности, чтобы по каждому случаю присутствовал набор документов с соблюдением необходимых формальностей. Здесь часто трудности возникали, каждая инстанция по-своему понимала должную ей формальность, единообразия в бланках и инструкциях не хватало не только нотариату, но и прочим государственным и хозяйственным службам. Да и пресловутый человеческий фактор заявлял о себе. Как тут всерьез не задуматься о масштабах вредительства в народном хозяйстве. Хотя... Анастасия Андреевна задумчиво взглянула на почерневший от времени стол – он достался ей в наследство от одного такого «вредителя», арестованного сотрудниками НКВД прямо в здании народного суда. Судьба его для судей и прокурорских работников, юридический кружок которых в целях самообразования исправно посещали Анастасия Андреевна, осталась неизвестной. Говорили, что он входил в какую-то контрреволюционную организацию, хотя достаточно почтенный возраст и наличие внуков к заговорам вроде бы не располагали. Но органам виднее, на то они и являлись по прежнему названию комиссией по борьбе с саботажем и контрреволюцией. Анастасия Андреевна старалась в ситуацию сильно не углубляться, хотя в

глубинах кабинетов здания нарсуда затаился страх – бывший коллега мог указать на кого-то ещё. Но то ли «вредитель» оказался среди работников юстиции одиночкой, то ли УНКЮ постаралось приложить усилия для разрешения ситуации без пристрастного расследования, на том аресте всё закончилось. Однако, как говорится, осадок остался, и Анастасия Андреевна старалась проявлять партийную бдительность как в отношении коллег, так и посетителей.

В обед действительно удалось немного почитать «Краткий курс», насконо закусывая историко-идеологический экскурс загодя испеченными пирожками. После перерыва Анастасия Андреевна вновь принялась за исполнительные надписи и, разделавшись с ними, с головой погрузилась в полугодовой отчет. Летняя городская жизнь текла веселым, неспешным чередом, тени незаметно стали длиннее. Товарищ Алексеева отвлеклась от бумаг и цифр только тогда, когда, потирая натруженные глаза, поняла, что буквы скачут по строкам и сливаются в одну круговерть, и пора уже зажечь свет. Посидев еще немного, сведя основные показатели, Анастасия Андреевна с удовлетворением захлопнула папки, а за ними и дверь громоздкого сейфа и, опечатав кабинет, бодро зашагала домой. Впереди был выходной день, полный неспешных домашних забот и скромных радостей простого советского труженика.

А на завтра была война...

***

22 июня 1941 года резко изменило жизнь не только Анастасии Андреевны Алексеевой, но и десятков миллионов советских граждан. Раннее летнее утро возвело невидимую, но оттого не менее твердую стену между мирной и военной жизнью. Нотариат разделил судьбу сражавшейся страны. Практически все мужчины-нотариусы ушли на фронт, их заменили женщины, повсеместно ставшие за рычаги машин, к станкам, за канцелярское бюро. Миллионы людей, гонимые войной и нуждой, снялись с насиженных мест, страна превратилась в гигантский роящийся муравейник. Многие семьи

распались: часть чтобы не соединиться уже никогда, часть – чтобы встретиться через годы и годы. Анастасия Андреевна в горячем сорок втором году оставила нотариальные органы, следы её потерялись в мареве военных лет.